

ПО НЕКОГДА УКРАДЕННОМУ ПРАВУ...

ЧУМНАЯ ВЕСНА

Мне тяжело смириться с этой весной –
слишком горластой, ветреной, расписной,
в пегих кустах, чернеющих у корней,
в талых ручьях, чей запах слегка пивной
ноздри щекочет... Мне невесело с ней.

Лучше – домой, где был мой досуг убог, –
триллер смотрела, трескала сухари.
Рядом со мною, словно из песни сурок,
в кресле собака мне согревала бок...
Нынче собачий холод жрёт ее изнутри.

Может, у жизни со смертью опять ничья?
Мне остается один поворот ключа
прежде, чем я в квартиру решусь войти.
Сверху навстречу сыплются, грохоча,
дети, как разноцветное ассорти.

В доме темно и тихо, как под водой.
Страшно туда нырять, хоть считай до ста, –
омуты, гроты, гибельные места.
Что там – собака или валун седой
слабо колышет водорослью хвоста?

Если хоть на мгновение под иглой
вздрагнет сухая, точно фанера, плоть,
Значит, судьба была не настолько злой,
чтоб всё живое близ меня прополоть,
перелопатив почву за слоем слой.

Иллюминатор Луны всплывает в астрал...
Кто ты – надмирный сумрачный адмирал?
Я ничего уже тебе не отдам.
Ты постепенно всех вокруг отбирал,
Чтобы мне стало пусто здесь уже, а не там.

БИБЛИОТЕКА

Вечером в библиотеке района
имени Пушкина или Толстого
дам два десятка и два кавалера –

пенсионера, сухих, как фанера,
встретились, чтобы заняться любовью
к литературе. На улице клёны
в окна скребут. На часах – полшестого.
Льется беседа, как дождь, постепенно.
«Веточки вербы, согласно фэн-шую,
если поставить букет к изголовью,
вам обещают удачу большую...».
«Вера Петровна, сыграйте Шопена!»
«Будьте любезны, две ложечки кофе».
«Музыка лечит...». «Еще рафинада?»
«Помилосердствуйте, больше не надо.
Сахар губителен при диабете!».
«Я сочинила вчера два сонета
о посещение дворца в Петергофе».
«Ждем с нетерпением!» «Будем как дети,
чтобы действительность в нас не растёрла
неугасимую искорку божью»...
Дама читает. Над бронзовой брошью
прошелестело слоеное горло:
«Взвейтесь, хрустальные струи фонтана!
Вновь я брожу под ажурную сенью...».
«Дивные строки! Спасибо за это!»
«Главное – оригинальная тема!»
«Образ пленительный не поясните ль?»
«Будем искусству служить неустанно!»
«Надо шарлотку испечь к воскресенью».
«Нет упоения словом дороже!»
«Наговорились. Одухотворились».
На пианино цветет амариллис.
«Скоро замкнутся ворота Эдема,
Вот и явился наш ангел-хранитель!»...
Мнётся на лестнице сторож Сережа –
редкобородый приветливый даун.
Дам по домам провожает всегда он.

ДВЕРЬ В ЗАСТОЙ

В.А. Лейкину

Мы с вами набрали на павильон,
что каменным забором обнесен,
как панцирем. Вокруг автомобиля
скользили, исчезая за углом
обшарпанного дома, что на слом
был обречён, потом о нём забыли.

Мы словно приоткрыли дверь в застой
и в ресторан вошли полупустой –
туда, где в блеске люстры стосвечовом,
фанерный украшая интерьер

надменной безмятежностью манер,
буфетчица спросила: «Что еще вам?».

...Мы не одни. Безрукий инвалид,
губами взяв стакан, что недолит,
в себя вдыхает водку, словно воздух.
Сжав коробок обглодышами плеч,
огонь из спички пробует извлечь –
недостижимый, словно пыль на звёздах.

Сюда лазейку не прогрыз прогресс.
по радио доносится Бернес –
в той песне ночь темна и свищут пули.
И вы, лежалый бутерброд схватив,
жуете вместе с колбасой мотив.
И мы уже не здесь, мы утонули

во времени, и там на глубине
качаемся, довольные вполне,
и не хотим наружу возвращаться –
туда, где не хватало одного –
покоя... И неловко оттого,
что слишком неказисто наше счастье.

РОВЕСНИЦА

Вот ты идешь, близоруко глаза прищурив.
Кажется, я знакома была с тобой.
Ноги твои в голубом венозном ажуре
шаркают мне навстречу по мостовой.

Мы ведь когда-то вместе стихи писали.
Впрочем, а кто их в детстве не сочинял?
Строчку оттуда припомнить можешь? Едва ли.
Ты закрываешь на ночь читальный зал

и – на метро. В авоське – пакет сосисок,
зонтик, очёчник, но-шпа и Пастернак.
Неисчерпаем книг классический список,
где ты пыталась выловить некий Знак.

Но, отразившись как-то лицом овечьим
в мутном, словно вчерашние щи, трюмо,
вдруг поняла, что больше заняться нечем,
и срифмовала жизнь не вполне «bon mot».

Твой суицид завершился мелким поносом,
лишь на мгновенье склеила веки мгла.
Смерть наклонилась, душная, как опоссум,
дёрнула носом и стороной прошла.

Возобновилась жизнь в затяжном вояже
старым маршрутом: библиотека – дом

с очередной книгой – чужой... Твоя же
стынет в душе, как лужица подо льдом.

СТРАННИК

Загромыхав ключами в тесной прихожей
комнаты на Обводном, что ли, канале,
видишь, как на пороге стоит понуро
немолодая дама с несвежей кожей –
столь испещренной, будто стрелы Амура
целили в сердце, да не туда попали.

Ты ей поведаешь, будто в привычном русле
двигался к дому, да завела кривая,
и засосало в душный карман подвала.
Сорные мысли крошились в мозгу, как мюсли,
ты их пытался склеить довольно вяло,
в мутный стакан забвение наливая.

Ты был захвачен острым, проникновенным,
внутренним диалогом с самим собою –
будто с душой тело соединили.
Взгляд заметался, словно паук по стенам,
по лепесткам заляпанных жиром лилий,
что украшали тёмной пивной обои.

Скрипнула табуретка, подседа тётка, -
глазки блеснули, словно изюм в батоне,
вспыхнула сигарета, включился голос.
И от вопроса, заданного нечётко,
лопнул мираж, и музыка раскололась
и зазвучала глуше и монотонней.

Лень было переспрашивать, откликаться.
И, ощутив потребность уединиться,
позже ты сбился с курса, лишился галса
и пробудился в сквере, в тени акаций –
там, где на веках солнечный луч топтался
суетно и навязчиво, как синица...

Улица, двор, подъезд, жена в коридоре.
Что-то в лице у ней хлопает, как в болоте.
Ты – ее приз, обретенный под старость странник,
вечный Улисс, вынырывающий из моря.
Вот поцелует чёрствую, словно пряник,
щёку, и свет погасит. И вы уснёте.

ИНТЕРЬЕР

Командировка. Через Москву транзит.
Вечер в чужой квартире, где луч скользит

по фотоснимку бывшей геологини –
то есть хозяйки, месяц тому назад
жизнь, словно дом, покинувшей... Лишь фасад
весь в слюдяных прожилках инея стынет.

В парке напротив чёртово колесо
встроено в небо, как циферблат часов.
Ветка в окне мелькает секундной стрелкой.
Время струится вспять, словно я вползла
старой хозяйке в быт, надломила пласт,
расшифровала трещины под побелкой.

И приоткрыло передо мной жильё
пенсионерки облик, досуг её –
как наливает рюмку, за стол садится.
Блещут в углу пирит, опал, турмалин
возле икон, поскольку неодолим
ужас перед последней из экспедиций.

Яшма, слюда, нефрит, портрет под стеклом,
и в чёрно-белом взгляде – не то что злом,
опустошенном, скорее – прицельно-трезвом –
некая тайна, будто бы вы нашли
главный трофей, и с той стороны земли
недра явили свой драгоценный срез вам.

ПОДМАСТЕРЬЕ

Ты полагаешь, мастер, шедевр творя,
мир поразить собою? Вот это зря!
Думаешь – уникален, вплоть до молекул?
Вот из угла за тобой следит неофит –
вечный отличник – скромн, но плодовит.
Он про тебя всё понял, давно скумекал.

Ты не заметил, творчеством увлечён,
как он вращал в тебя, обвивал плющом,
выждал момент, когда ты обронишь посох
там, где ловил внезапный приход зари.
Зри, как в твою палитру вросли угри
в амбициозных юношеских расчёсах.

Как он тайком мечтал, что, отбросив гнёт,
он тебя переварит и отрыгнёт
в виде мазка на свежих своих полотнах,
чтобы кумир, пропущен сквозь решето,
интерпретаций, понял, что он – никто.
Вот и блуждай в неверных огнях болотных,

опознавай пейзаж, вертя головой.
Этот сюжет знакомый – уже не твой.
Здесь подмастерье всё скопировал чинно.

Он возлюбил тебя и возвёл в квадрат.
Так и живи, себе самому не рад,
будучи отражённою мертвечиной.

* * *

Когда бы не отсутствие судьбы,
я наплела бы вам таких сюжетов.
Но почерк жизни – бледно-фиолетов,
как на рецепте, а глаза слабы.

И предстоит протискиваться меж
корявых строчек за ответом: «Кто ты?».
Чужие судьбы склеены, как соты, -
там сложно для себя нащупать брешь.

Я в эту жизнь, как на прием к врачу,
явилась незаконно, без талона.
Я стану бесталанно-эталонной
салонной дамой, если захочу.

А после превращусь случайно в ту
старуху, что сидит в бистро напротив,
подмигивая, вишенки в компоте
вылавливая, теребя тафту

на кофте, будто пробуя привлечь
к себе внимание, роясь в ридикюле,
звеня ключами, кашляя... Смогу ли
Я пустоту облечь в такую речь,

чтоб убедились все, что я – жива,
сама себя придумав на халяву
по некогда украденному праву –
отсутствие судьбы сплетать в слова.